

Научная статья

УДК 81'32:398.224(=512.153)

DOI: 10.25587/2782-4861-2025-2-26-41

ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ В ТЕКСТАХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ: НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

М. Д. Чертыкова¹, М. А. Ахматова², Б. Д. Цыренов³

¹Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Абакан, Россия

e-mail: chertikova@yandex.ru

²Кабардино-Балкарский государственный университет

им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия

e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

³Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Россия

e-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию одного из фрагментов фольклорно-языковой картины мира – тюркско-монгольских лексических дублетов. *Цель* исследования – описание наиболее частотных лексических дублетов, встречающихся в текстах героических сказаний и выявление их функционально-семантических, этимологических и лингвокультурологических особенностей. *Актуальность* исследования обусловлена тем, что лексические дублетные пары, компоненты которых принадлежат разным языкам, до сих пор не становились объектом специального исследования. *Новизна* проведённого исследования заключается в том, что впервые выделены как один из видов эпических форм параллелизма и описаны частотные в языке героических сказаний хакасско-монгольские дублетные пары, при этом выявлены две структурно-семантические категории дублетных пар: равноправные (симметричные) и подчинительные. Материалом исследования послужили 11 хакасско-монгольских дублетных лексических пар, извлечённые методом сплошной выборки из текстов героических сказаний. Для их описания применялись лексико-семантические, этимологические, структурно-семантические методы.

В результате выявлено, что подобные дублетные пары представляют собой отдельный лексический пласт в системе парных слов. Рассматриваемые нами хакасско-монгольские парные дублеты имеют свои характерные лексико-семантические особенности, в частности, в сочетаемости находятся в равноправных (симметричных) и подчинительных отношениях. Они не допускают перестановки слов и внедрения других слов, за исключением некоторых вариантов традиционных клишированных конструкций, которые выполняют определённую синтаксическую функцию. Такие слова являются компонентами нескольких вариантов клишированных предложений. Заимствованные монголизмы, как правило, в хакасском языке не используются как отдельные лексические единицы, хотя они и фиксируются в словаре, но находятся в пассивной сфере языка или же переходят в разряд устаревших и фольклорных слов. В фольклорной системе тюркских и монгольских народов имеется немало перекликающихся концептуальных полей, примером которых является и наш материал. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвофольклористический потенциал и перспективу для будущих исследований на материале других тюркских и монгольских языков и жанров устного народного творчества.

Ключевые слова: хакасский язык, монгольский язык, героическое сказание, лексические дублеты, клише, лексема, заимствование, равноправные отношения, подчинительные отношения, функционирование

Для цитирования: Чертыкова М. Д., Ахматова М. А., Цыренов Б. Д. Тюркско-монгольские лексические дублеты в текстах героических сказаний: на материале хакасского и монгольского языков. *Эпосоведение*. 2025;2(38):26–41. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-26-41>

Original article

Turkic-Mongolian lexical doubles in the texts of heroic tales: based on the material of the Khakass and Mongolian languages

Maria D. Chertykova¹, Mariam A. Akhmatova², Babasan D. Tsyrenov³

¹N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia

e-mail: chertikova@yandex.ru

²Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

e-mail: mari.akhmatova@yandex.ru

³Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the SB RAS

Ulan-Ude, Russia,

e-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and description of one of the fragments of the folklore-linguistic picture of the world – Turkic-Mongolian lexical doublets. The purpose of the study is to describe and identify the functional-semantic, etymological and linguacultural features of lexical doublets, most often found in the texts of heroic tales. The relevance of the study is due to the fact that lexical doublet pairs, the components of which are attributes of different languages, have not yet become the object of special research. The novelty of the study lies in the fact that for the first time, Khakas-Mongolian doublet pairs, which are widely frequent in the language of heroic tales, are identified as one of the types of epic forms of parallelism and described, two structural-semantic categories of doublet pairs are revealed: equal (symmetrical) and subordinate. The material of the study was 11 Khakas-Mongolian doublet lexical pairs, extracted by the method of continuous sampling from the texts of heroic tales. Lexical-semantic, etymological, structural-semantic methods were used to describe them. Such doublet pairs represent a separate lexical layer in the system of paired words. The Khakas-Mongolian paired doublets under consideration have their own characteristic lexical-semantic features, in particular, in terms of compatibility they are in equal (symmetrical) and subordinate relations. They do not allow the rearrangement of words and the introduction of other words, with the exception of some variants of traditional clichéd constructions that perform a certain syntactic function. Such words are components of several variants of clichéd sentences. Borrowed Mongolisms, as a rule, are not used in the Khakas language as separate lexical units, although they are recorded in the dictionary, but are in the passive sphere of the language or pass into the category of obsolete and folklore words. The folklore-language system of the Khakas has many unexplored, unsolved, and therefore interesting in the linguacultural plan conceptual fields, to which the material of our study also belongs. We believe that this topic has good linguistic potential and prospects for future research.

Keywords: Khakas language, Mongolian language, heroic tale, lexical doublets, cliché, lexeme, borrowing, equal relations, subordinate relations, functioning

For citation: Chertykova, M.D., Akhmatova, M.A., Tsyrenov, B.D. Turkic-Mongolian lexical doubles in the texts of heroic tales: based on the Khakas and Mongolian languages. *Epic studies*. 2025;2(38):26–41. (in Russian) <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-2-26-41>

Введение

В нашем исследовании выявляется и рассматривается одна из разновидностей дублетной модификации лексических параллелизмов – хакасско-монгольских лексических формирований. В фольклорных памятниках сибирских тюркских народов давно отмечены монгольские лексические элементы, что свидетельствует о генетической связи и тесных контактах алтайских (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских) языков. В отличие от синонимических структурных образований, ключевые слова которых, находясь в синонимических отношениях, дополняют общую смысловую нагрузку частными оттеночными окрасками, компоненты дублетных выражений / пар изначально имеют одинаковую семантику при минимальном семантическом расхождении. Такие компоненты дублетных пар, как правило, относятся к разным

языкам: одно слово – исконное, другое заимствованное. Еще в прошлом веке известные ученые – лингвисты обращали внимание на парные слова, как на распространенное явление в разноструктурных языках [1; 2 и др.]. Параллельное дублирование слов из разноструктурных языков среди парных слов составляют отдельную лексическую категорию, о которых А. Т. Кайдаров пишет: «Парное включение семантически близких, но различных по языковой принадлежности слов может быть вызвано из стремления перевести и пояснить значение, еще малопонятное для носителя языка, заимствованного слова коренным, или, наоборот, заимствованное слово должно привлекаться в качестве одного из компонентов как взаимопоясняющее, дополняющее значение коренного слова» [2, с. 81]. Подобного же мнения придерживается Г. Д. Санжеев, утверждая, что парное объединение синонимов – дублетов из разных языков вызвано стремлением пояснить значение заимствованного слова [3, с. 203]. К сказанному добавим, что такие разноструктурные лексические дублеты служат для раскрытия, усиления и подчеркивания значения другого компонента. Общее значение заимствованного слова закрепляется в языке за счет их взаимного пояснения и дополнения, что приводит к обогащению словарного состава языка – реципиента.

В нашем случае явление хакасско-монгольской семантической дублетности имеет глубинную историю, и на протяжении многих веков гармонируют дублетные пары, где один компонент имеет хакасское (или общетюркское) происхождение, другой – монгольское. В современном состоянии семантические структуры этих слов, т.е. содержательные модели дублетных выражений, несколько трансформированы. Такое явление – есть следствие их семантической эволюции в условиях коммуникации в отдельном языке, а также образного мышления наших предков, проявляющемся на гибкости и варьировании языка.

Одним из характерных особенностей заимствования слов из других языков является использование в языке двойных эквивалентов или же межъязыковых дублетных пар. Общепринятое определение синонимов в системе одного языка гласит, что это близкие и тождественные по значению слова, отличающиеся тонкими оттенками значений, а также особенностями стилового употребления, эмоциональной окраски, экспрессии и др. Синонимический ряд – есть один из уровней лексической организации любого языка. Дублеты же – это два или более слов из разных языков, выражающих одно и то же понятие. В словаре «Языковые контакты» В. М. Панькина, А. В. Филиппова они называются межъязыковыми синонимами и толкуются как «эквиваленты, слова разных языков, соотносимые по смыслу. Ср. *черный* – нем. *schwarz* – франц. *noir* – англ. *black*...» [4, с. 75].

С. М. Трофимова в статье «Парные слова в составе тюркско-монгольской языковой общности» отмечает, что такие слова встречаются на всех уровнях монгольского языка: существительные, прилагательные, глаголы. Такое значительное количество тюркско-монгольских парных слов автор объясняет тем, что «... на каком-то этапе исторического развития монгольского языка монгольский этнос входил с древнетюркским этносом в такой тесный контакт, при котором неизбежно возникало и длилось какое-то время тюркско-монгольское двуязычие» [5, с. 48-49].

Рассматриваемые нами лексические дублеты, хоть и близкие и тождественные по значению, значительно отличаются от распространённых в языке героических сказаний явлений – синонимических клишированных выражений и параллелей – по функциональным, структурным и содержательным параметрам. Лексические дублеты, как правило, двух-/трехкомпонентны. Исходя из анализа нашего материала (всего 11 дублетных пар), мы выделили две основные структурно-семантические категории:

а) тюркская лексическая единица + монгольская лексическая единица. Их сочетаемостные отношения равноправные (симметричные). Обычно они представляют собой сложные слова, находящиеся друг с другом в равноправных отношениях;

б) монгольская лексическая единица + тюркская лексическая единица. Их сочетаемостные отношения подчинительные. В таких дублетных парах один компонент определяет другой,

т.е. первый, монгольский, компонент принимает на себя функцию определения (субстантивируется), другой же компонент (тюркского происхождения) подчиняется первому.

В своём исследовании мы не ставим цель более глубокого анализа рассматриваемых лексем для выявления их исконности и / или заимствования, ограничиваясь этимологическими данными из лексикографических и грамматических источников. Мы формально используем термины «тюркская лексическая единица» и «монгольская лексическая единица», исходя из синхронного среза, зафиксированного лексикографическими источниками, которые отражают различные типы изменчивости и колебаний в лексической системе каждого языка. Термины «монгольская лексическая единица», «монголизм» мы используем, основываясь на факте его варьирования в монгольских и тюркских языках (в частности, в хакасском). Как правило, подобные языковые элементы, претерпев в свое время закономерный переход из одного языка в другой, обнаруживают определенные семантические, стилистические, фонетические, грамматические трансформации. Термин же «тюркская лексическая единица» в нашем понимании представляет собой лексему, находящуюся на подвижном уровне тюркских языков.

Обсуждение и результаты

1) *Равноправные дублетные пары: тюркская лексическая единица + монгольская лексическая единица*

Формирование сложного слова, состоящего из двух компонентов – тюркского и монгольского – с аналогичными значениями могло происходить на протяжении веков только в условиях двуязычия, возможно, изначально они использовались для усиления выразительности.

В текстах хакасских героических сказаний концептуализация приветствия богатырей выражается одними и теми же частотными клишированными выражениями и конструкциями, где ключевыми словами являются:

изен-миндi «приветствие; здравствуй»

Түн Хара / Ах ёрге ибдең сығып килген, / Удур пас киліп, изен-миндi тіп тур: / Абый харын-дас, Албынчы, сині сағып турбын [6, с. 99] – Тун Хара / **Выйдя из ханской юрты**, / Подойдя навстречу, сказал: «здравствуй». / Старший брат, Албынчы, я жду тебя.

В хакасских фольклорных текстах приветствие может передаваться и в глагольной форме, например, *изеннес-: изеннес-миндiлес* «здороваться, приветствовать друг друга» и в аналитической глагольно-именной форме, например, *изен пир- и миндi пир-* «здороваться; букв. приветствие давать», и клишированной форме, например, *изен сала, изеннескеннер, миндi сала миндiлескеннер* «приветствовали друг друга; букв. положи здоровье – приветствие, здоровались друг с другом; положи приветствие, приветствовали друг друга». В хакасском языке лексема *миндi* используется только в составе сложного слова с *изен* «здоровый, живой»: *изен-миндi* «здравствуй; будь здоров», а текстах героических сказаний также не нарушается их параллельное использование.

Лексема *мэнд* широко распространена в языке – источнике и в других монгольских языках. По свидетельству Б. И. Татаринцева, помимо указанных общих значений в тувинском языке можно указывать на специализированные значения «приветствовать кого-либо, протягивая к нему обе руки и касаясь ладонями его ладоней», а сочетание *менди – чагаай!* обозначает «до свидания! Будьте здоровы!» [7, с. 102]. Также на тувинскую лексему *менди* распространилась многозначность его монгольского прототипа. Кроме того, заимствованы и производные формы, например, *мендиле-* «здороваться, приветствовать» [7, с. 103], которые отсутствуют в хакасском языке.

Наличие аналогичной дублетной пары на уровне прилагательных в монгольском языке подтверждает С. М. Трофимова: «*эсэн мэнд* «здоровый, благополучный» – парное прилагательное, в котором компонент *мэнд* «здоровый, здоровье» является монгольским словом, а компонент *эсэн* «здоровый» имеет параллель в древнетюркском языке в виде *esan* «здоровый, невредимый» [5, с. 47].

Для того, чтоб параллельно показать семантическую идентичность рассматриваемых хакасско-монгольских дублетных пар, будем приводить словарные статьи их компонентов в табличной форме:

Таблица 1

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
<i>изен</i> «1. здоровый, в добром здравии; {...}; 2) (приветствие при встрече, пожелание) здравствуй; {...}; {...}» [8, с. 117]. Также лексема <i>изен</i> выражает значения «здоров; здоровье», «жив; живой».	<i>мэнд</i> «1. 1) здоровье, благополучие; {...}; {...}; 2) привет; <i>мэнд хургэх</i> передавать привет; {...}; 2. благополучно; <i>мэнд өнгөрөв</i> всё прошло благополучно; <i>мэнд сайн явлаа</i> съездил благополучно; {...}; 3. осведомляться о здоровье; передавать привет; {...}; [9, с. 252-253].	<i>миндi</i> уст. здравствуй; <i>прост.</i> здорово; <i>иркин алтап, миндi тирчедiр</i> фолькл. переступив порог, [он] здороваётся; <i>паза тогасханча изен, миндi!</i> До следующей встречи (будь здоров)! [8, с. 245].

Семантические структуры хакасского *изен* и монгольского *мэнд* почти совпадают в обозначении компонентов приветствия и здоровья. В хакасском языке монголизм *миндi* самостоятельно не используется, за исключением клишированных сочетаний в текстах героических сказаний. Более подробно о лексико-семантических особенностях выражений приветствия в текстах богатырских сказаний в: [10].

им-том «лекарство, снадобье»

В текстах героических сказаний дублетная пара *им-том* при описании ситуации чудесного исцеления может использоваться и в глагольной форме: *Имин салып, имнебискеннер Ай Сулазынны, / Томын салып, Томнабысханнар Ах халтар атты* [11, с. 400] – Применяя **лекарство**, Ай Сулазына **вылечили**, / Применяя **снадобье**, **вылечили** бело-мухортного коня. Выражение *им-том* и сегодня используется в хакасском языке, например, в виде благопожелания в ситуации лечения больного человека: *Имиң им позын, / Томиң том ползын* – Пусть [тебе] лекарство поможет, пусть [тебе] снадобье поможет (букв. пусть [твоё] лекарство будет лекарством, пусть [твоё] снадобье будет снадобьем). Или же *им-том ползын* – пусть поможет тебе лекарство. Аналогичное хакасскому *им-том* выражение встречается и в монгольском языке: *эм дом* «целебное средство, лекарство».

По данным Этимологического словаря тюркских языков Э. В. Севортяна, лексема **им** является общетюркской и в разных тюркских языках реализует значения: «лекарство», «знахарство», «процесс лечения», «средство», а также в более поздних дифференцированных значениях «мазь», «прививка против оспы» [12, с. 270-271]. Это слово имеется и в монгольском языке: *эм* «1) лекарство, медикаменты; снадобье; лекарственное средство; {...}; 2) употребляется в лексикализованных словосочетаниях преимущественно в форме родительного падежа; *эмийн жор* рецепт; *эмийн найрлага* состав лекарства; {...}» [9, с. 1291-1292]. Как отмечается в ЭСТЯ, лексему *им* / *ем* можно рассматривать и как монгольское заимствование, однако она зафиксирована в староузбекском и других древних памятниках в отыменной и глагольной формах, поэтому «монгольский язык как источник для данной группы слов проблематичен» [12, с. 271].

Таблица 2

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
им «1. лекарство; <i>им ізерге</i> пить лекарство; 2. лекарственный; <i>им от</i> лекарственное растение; <i>им суг</i> а) лечебная вода; б) минеральная вода; {}» [8, с. 371].	дом «1) заговор (от болезни); магия, магическое средство; знахарство, колдовство; ворожба; <i>хар дом</i> чёрная магия; чёрнокнижие; <i>цагаан дом</i> белая магия; <i>дом шив-илэг</i> хорш. заклинание, заговор, наговор, магические слова; 2) оккультизм [9, с. 688].	том I лекарство, см. <i>им</i> ; <i>имі им</i> <i>полыбысхан</i> , <i>томы том</i> <i>полыбысхан</i> фолькл. лекарство ему помогает (вылечивает), снадобье его врачует; <i>томнапчатхан том-мым</i> , <i>том полбин</i> , <i>тобыра хайыл</i> <i>түсчедір</i> лекарство, применяемое для лечения, не вылечивая, проходит насквозь [8, с. 645].

Как видим из словарных статей, лексема *им* в хакасском языке, возможно, вошла в категорию медицинских терминов лишь в последнее столетие, изначально же ее значение было связано с народным траволечением. Несмотря на то, что монгольский вариант данного сложного слова *том* зафиксирован в словаре как синонимичная *им* лексема, она не может использоваться самостоятельно. В монгольском же языке *дом* имеет более обширную семантику: знахарство, магия, оккультизм, одним из аспектов является народное лечение.

айран-сухсын // айран-сухсун «прохладительные напитки»

Айран-сухсун сузуп киліп, читтірчадыр [13, с. 246] – Почерпнув айран, преподносит. *Айран-сухсун іскен соонда, / Ах сёёр түскен алып чахсы: / Кем теен кизінің палазы полчаңзың? / Тіп сурадыр Ай Арыгдаң* [13, с. 247] – После того, как попили айран, / Молодец – богатырь стал расспрашивать: / Ты чья дочь, с какого рода? / Спрашивает у Ай Арыг.

Таблица 3

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
сухсун 1) жажда; <i>сухсунга ізерге</i> а) пить от жажды; б) пить для утоления жажды; <i>сухсуным на-спинча</i> а) не могу напиться; б) не могу утолить жажду; 2) питье, напиток; <i>сөрөн сухсун</i> прохладительный напиток {...}; [8, с. 527]. айран-сухсын собир. напитки из айрана [8, с. 44].	айраг айран, айрак, кумыс; кислое кобылье молоко; <i>бэсрэг айраг</i> смешанный кумыс; <i>говийн айраг</i> гобийский кумыс; <i>гүүний айраг</i> кобылий кумыс; <i>шар айраг</i> пиво [9, с. 192].	айран айран (<i>кислый молочный напиток особой заправки</i>) // ай- ранный; <i>час айран</i> свежий айран; <i>хойыг айран</i> густой айран; <i>айран арагазы</i> вино из айрана, айранная водка; <i>айран ачыдарга</i> квасить айран; <i>айран сыбирга</i> гнать вино из айрана; <i>айран от</i> бот. щавель [8, с. 44].

Лексема *сухсун* / *сухсын* образована от корня *суг* «вода; река» при помощи словообразовательного аффикса *-сун* / *-сын*. Чаше используется в составе устойчивых сочетаний и как компонент сложного слова *айран-сухсун*.

Лексему *ajraq* «кислое молоко»; др.-тюрк., ср.-тюрк., аз., алт., карач.-балк., крым.-тат., тур., хак. *ajran* «кислое молоко», «напиток из кислого молока»; ср.-монг. *ajirax* «верблюжье молоко», калм. *ärq*, м. *ajraq* «кумыс». Ср.: бур.: *airag* «кислое квашеное молоко», *arsan* «род творога, получаемого посредством кипячения кислого молока»; бур. (аг.) *ajrül*, бур. (тунк.) *arul* «сырки, сделанные из прессованной гуши, остающейся после перегонки молочного вина» А. М. Щербак дает в списке тюркизмов в бурятском и других монгольских языков [14, с. 20-21]. Слово встречается и в тунгусо-маньчжурских языках в значении «кумыс» и «кислое молоко». Авторы ЭСТЯ, вслед за А. Зайончковским, М. Рэсэненом подтверждают тюркское происхождение

данного слова: «... айран – глагольное имя на -(а)н с исходным значением результата действия / процесса «то, что отделяется от молока» (после сбивания, отделения масла), «пахтанье» от глагола айыр- «отделять» и др. {...}; на глагол айыр- указывает также приведенная форма айранч «заквашенное молоко» с широким гласным -а- в аффиксе (вместе -ы-)» [12, с. 111].

2) Подчинительные дублетные пары: монгольская лексическая единица + тюркская лексическая единица

ах өрге иб «величественная белая юрта»

В клишированном сочетании *ах өрге иб* тюркское слово *иб* «дом, юрта» является главным словом, монголизм *өрге* выступает в качестве определения к слову *иб*, тем самым характеризую его как главное величественное жилище, принадлежащее хану. Прилагательное *ах* «белый» также определяет высокий статус юрты, без которого монгольско-хакасская дублетная пара *өрге иб* не используется. Хан Мирген, Хулатайны алып, Хан Хыс тичезінің / *Ах өрге ибіне кір килді* [6, с. 65] – Хан Мирген вместе с Хулатаем, / Зашёл в величественную ханскую юрту [своей] сестры Хан Хыс. Применяемый эпитет к ханским жилищам - дворцам *ах* «белый», по мнению В. Е. Майногашевой, «... связан с реальностью далекого прошлого. ... при археологических раскопках были открыты дворец-храм и замок периода IX-XII вв., построенные из сырцового кирпича и принадлежащие хакасским ханам» [15, с. 538].

Все лексикографические источники указывают семантическую структуру общетюркской лексемы *иб* / *ев* / *өй* / *үй* / *өг* как: «дом; жилище; юрта». В Древнетюркском словаре она представлена как: *Eb* 1. Жилище, становище: *Kültegin ebig başlaju qitimiz* мы отпустили (?) Кюльтегина предводительствовать в становище (КТ648); *başmıl jayıdip ebimrū bardı* став врагами [нам], басмылы пошли на моё становище (МЧ28); 2. Обитатели становище, семья, домочадцы; *ebi on kün öjrä ürküp barmış* его семейство уже за десять дней, испугавшись, ушло (МЧ31) [16, с. 162].

Лексема *өрге* / *өргээ* / *өргө* / *өргөө* наиболее частотна в тюркских и монгольских эпосах и обозначает жилище главного героя, резиденцию хана. В. И. Рассадин подтверждает, что во всех монгольских и сибирских тюркских языках *өрге* / *өргээ* / *өргээ* / *өргөө* выражен существительным и обозначает «дворец, юрту, замок, ставку, резиденцию» хана (монарха, главы духовенства), также имеет более узкое значение в кирг.: *өргөө*, *өргө* «свадебная юрта; юрта для новобрачных; чистая юрта (у богатого киргиза)», сойот.: *өргээ* «медвежья берлога» [17, с. 242]. Словарные статьи хакасской лексемы *иб*, монголизма *өрге*, а также монгольской лексемы *өргөө* выглядят таким образом:

Таблица 4

Хакасский язык	Монгольский язык	Заемствование из монг. яз. в хак. яз.
<i>иб</i> «1) дом; жилище; {...}; 2) юрта; {...}; <i>іценің ибі истіг, пабаның ибі паарсах</i> посл. дом матери уютен, дом отца – ласков (для замужней молодой женщины)» [8, с. 112-113].	<i>өргөө</i> 1 «1) палата, чертог; ставка; юрта высокопоставленного лица; <i>бурхны өргөө</i> домашний алтарь; {...}; 2) дворец; терем; {...}» [9, с. 433].	<i>өрге</i> «дворец, замок, юрта хана, ставка хана; {...}» [8, с. 327]

В хакасском языке лексема *иб* обозначает обыкновенное жилище и юрту, в которых живут простые люди. В монгольском языке лексема *өргөө* выступает как элемент отражения культурно-исторического этапа развития монгольского общества. В современном хакасском языке лексема *өрге* используется как самостоятельная единица в значении «роскошный дом; дворец», например, *хайхастыг өрге* «роскошный дом», *культура өргезі* «дворец культуры», *хоных хончатханнарның өргезі* «дворец бракосочетаний» и т. д. Более подробно о семантико-функциональных и этимологических характеристиках лексемы *өрге* в: [18].

Как вариант описания величественного ханского жилища в текстах героических сказаний встречается также клишированное выражение:

Таблица 5

ах пайзаң иб

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
иб «1) дом; жилище; {...}; 2) юрта; {...}; іценің ибі истіг, пабаның ибі паарсах посл. Дом матери уютен, дом отца – ласков (для замужней молодой женщины)» [8, с. 112-113].	байсан «дома буддийских монахов» [19, с. 81]	пайзаң фолькл. «прекрасный, сказочно-красивый; великолепный дворец; ах пайзаң иб сказочно-красивая юрта – дворец (юрта хана, правителя племени)» [8, с. 340].

В монгольских языках (монг. *байшин(г)*; халх. *байшин(г)*; бур. *байшан(г)*; калм. *бэшин*) лексема *байсан* выражает жилище, предназначенное для элиты общества, соответственно, оно выглядит большим, величественным. В хакасский язык данная лексема перешла на основе характеризующего компонента и действует как определение в отношении к строительному сооружению. Но в других тюркских языках данный монголизм имеет объектное значение: тув.: *бажсың* «тюрьма; *бажсыңга кирер* сесть в тюрьму; *бажсың кижизи* заключённый; ср. *кара-бажсың*» [20, с. 49]; алт.: *байзың* «1) укромное место; 2) дворец» [21, с. 99]. Бытует мнение, что это слово происходит от «... перс.: *pīš-īwān* галерея, навес перед домом» [19, с. 81].

Если в монгольском языке *өргөө* и *байсан* являются разными лексическими единицами, то в языке хакасского эпоса они выступают как синонимы и являются компонентами клише, выражающих величественное ханское жилище: *ах өрге иб / ах пайзаң иб*. Монголизм *пайзаң* в хакасском языке используется редко и только в отношении жилища, например, *пайзаң тура* «красивый, роскошный дом».

ах арчол плат «белый платок»

Алтын арчол ах платнаң / үс хати сапханда, улуг тынып, / Улуг үскүрініп, туруп килген [хыс пала] [6, с. 63] – Когда белым платком золотой арчол / три раза ударила, тяжело дыша, / тяжело вздыхая, встала [девушка]. *Алтын арчол (ах) плат* – это один из вариантов обозначения мифического белого платка, поскольку встречаются также *ах торгы плат* «белый шёлковый платок» и др., которые используются в описаниях «... исцеления, воскрешения, обретения богатырской силы перевоплощения, просмотра земли», «помахивание волшебным платком также относится к популярным способам колдовства, которыми пользуются различные эпические героини» [22, с. 82].

Словообразовательная структура монголизма *арчол* является исконно монгольской, он «образован при помощи общемонгольского словообразовательного аффикса *-yul* от общемонгольской основы. *Арчол* «платок» < монг. *arčiyul* id. < монг. *arči-* «вытирать» [23, с. 38]. В хакасском языке данная лексема трактуется однозначно: «платок», однако семантическая структура его монгольского дублетного варианта более обширна: «все, чем вытирают; платок»:

Таблица 5

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
<i>плат</i> «платок; нас плады небольшой головной платок; хыл плат шерстяной платок; хулас плат большой шерстяной платок; {...}» [8, с. 371].	<i>арчуур</i> «1) полотенце, утиральник, салфетка; тряпка, тряпица (всё то, чем можно вытирать); <...>; 2) платок» [9, с. 286].	<i>арчол</i> фолькл. платок; <i>ах арчол</i> белый платок; <i>алтын арчол</i> золотом расшитый платок [8, с. 80].

Монголизм *арчол*, как правило, выступает определяющим словом к слову *плат*, заимствованному из русского языка.

аран чула ат «богатырский конь скакун»

– *Көрдек, Хан Мирген, алтын чечне төзінде / Аран-чула ат читкен осхас* [6, с. 55] – Посмотри-ка, Хан Мирген, / Кажется, на золотой коновязи / Стоит богатырский конь. *Хайзы-хайзы ыраххы чирде / Аран-чула хара хула аттың / Тігірті тігіреп истілчедедір* [6, с. 13] – Где-то вдалеке / Слышен топон / Богатырского саврасого коня.

Лексема общетюркского происхождения *ат* «лошадь» в сочетании с характеризующими словами *аран чула* обозначает коня богатыря. Однако для нас этимология этих слов не до конца ясна. Мы предполагаем, что слова *аран чула* монгольского происхождения. Как пишет Э.В.Севортян, все формы на *ң* / *н* восходят к классическому монгольскому языку [12, с. 168]. Лексема *чулу* имеется в киргизском языке в значении «1. крепкий, прочный, кряжистый; {...}; *туягы чулу мал екен, тулпардык жайы бар екен* фолькл. (о коне) животное с крепкими копытами, есть у него качество скакуна; 2. чистый, без примеси; *чулу күмүш* чистое серебро» [24, с. 376]. В якутском же языке *чулуу* означает «1) лучший, самый хороший; {...}; 2) лучший, отборный первосортный» [25, с. 513]. На основании данных характеристик, выражаемых лексемой *чулуу*, считаем правомерным и логичным предположение В.Е.Майнагашевой, высказанным в комментариях к тексту героического сказания «Алтын Арыҥ»: «В хакасском эпосе *аран-чула* – кони особо высоких скаковых качеств. Это видимо, особая порода лошадей, которых разводили в средневековье в Хакасии» [15, с. 537].

Таблица 6

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
<i>аран: аран чула ат</i> фолькл. богатырский конь-скакун; <i>иркем-кинчем, аран чула аттаң таллап ат тут кил</i> дитя моё, выбрав из богатырских скакунов коня, оседлай [8, с. 71].	<i>аран: аран суман</i> хуучир. отдельная дворцовая рота [9, с. 251].	<i>аран: аран чула ат</i> фолькл. богатырский конь-скакун; <i>иркем-кинчем, аран чула аттаң таллап ат тут кил</i> дитя моё, выбрав из богатырских скакунов коня, оседлай [8, с. 71].

Как следует из данных словарных статей, монгольский вариант *аран*, как и в хакасском языке, не используется самостоятельно. Если же значение «отдельная дворцовая рота» монгольского выражения *аран: аран суман* перенести на характеристику богатырской лошади в хакасском языке, то выявляются общие признаки «высокий статус», «избранность», «воинственность».

арачын ас «вино, водка; букв. целебная пища»

В текстах героических сказаний встречаются варианты *арачын* / *арачон* / *арачан*, возможно, связанные с диалектной речью сказителя. *Алып-күлүктер, арачон асты ізін, / Ырдаң артых ыр ырлазып, / Көгдең артых көг көглес турадыр* [26, с. 190] – Молодцы – богатыри пили вино, / Пели самые лучшие песни, / Пели песни и веселились. *Арачан асты ісчең ме, іспең ме? / Піл кил, сүмекчін, тісчелер* [11, с. 428] – Пить или не пить вино? / Иди, узнай, слуга, говорят.

Также используется выражение *арачон теен ас* «букв. пища, называемая арачон»: *Хыс Хан арачон теен асты / Пазох хатап ұс аях пирібіскен* [26, с. 45] – Хан Хыс так называемую пищу арачон / Снова предложила три чашки. *Анаң айланып Алып Хыс Хан, / Ах ибіне кіріп, / Алтын Тас алып кізіні / Стол кистіне одыртып, / Арачон теен асты ал киле чөрініп, / Аарлап сыйлабысхан* [26, с. 40] – Затем Алып Хан Хыс, / Зайдя в [свою] белую юрту, / Посадила за стол / Богатыря Алтын Тас, / Преподнесла так называемую пищу арачон, / И угощала его, уважая – почитая. На наш взгляд, причастная форма от глагола *ті-* «сказать; называть» в составе

выражения **арачон теен ас** «пища, называемая арачон» используется для акцентирования необычности / специфичности данного напитка и почтительного отношения к нему.

Таблица 7

Хакасский язык	Монгольский язык	Займствование из монг. яз. в хак. яз.
ас 1) хлеб (на корню); <i>ас ёскірчең</i> хлебороб; <i>ас тогызы</i> хлебоуборка; <i>ас кизерге</i> хлеб жать, убирать хлеб; 2) зерно; ср. <i>тоңас</i> ; <i>ас тартарга</i> перевозить зерно; {...}; 3) еда, пища, угощение (включая вино); <i>столга аарлыг ас тургызарга</i> ставить на стол дорогое угощение; 4) саг., шор. ячмень; см. <i>кёче</i> ; <i>ас чарбазы</i> крупа из ячменя; {...}; [8, с. 85].	арачан «крепкая водка» [22, 1980, с. 37]. арза «арза, молочная водка двойной перегонки; живительная влага; <i>арз нэрэх</i> вторично перегонять водку (чтобы получить арзу); <i>арз хорз</i> хорш. арза и хорзо, молочная водка двойной и тройной перегонки; <i>айргийг нэрж архи, архийг нэрж арз, арзыг нэрж хорз, хорзыг нэрж хор гаргах</i> перегоняя кумыс получают водку, перегоняя водку получают арзу, перегоняя арзу получают хорзу, перегоняя хорзу получают яд (отраву)» [9, с. 267].	арачын: арачын ас 1) фолькл. водка двойной перегонки; <i>арачын теен асты испесче поларзың</i> то, что называется водкой, не пил бы; 2) крепкое вино (самогон); <i>арачын ас сыбирга</i> гнать вино (самогон); <i>арачын ас садарга</i> продавать самогон [8, с. 72].

Как видим, в монгольском языке *арза* обозначает особый вид алкогольного напитка из молока. В хакасском же языке слово *арачын* используется только в сочетании с *ас*: *арачын ас*. В словарной статье хакасской лексемы *ас* не указывается переносное значение «водка, вино». Фольклорное выражение *арачын ас*, которое дает буквальный перевод «целебная, минеральная еда (пища)», выступает в качестве эфвемизма. Также выражения – эфвемизмы *улуг ас* «вино, водка; букв. большая пища», *күстіг ас* «вино, водка; букв. сильная пища» указывают на то, что хакасы всегда относились с уважением к данному напитку и соблюдали разумное его потребление. *Ах сын үстүнде тохтан, / Арачон-хорачоннарны тала, / Аар-пеер тооладыбызын, / Арачон астарны изибіскеннер* [26, с. 192] – Спешившись на вершине белой горы, / Открыли сосуд с вином, / Вино побрызгали туда-сюда [обряд кормления духов – *авт.*], затем выпили вино.

В текстах хакасских богатырских сказаний также используется лексический вариант, обозначающий спиртные / алкогольные напитки: **арачон-хорачон**. В монгольском языке молочная водка двойной перегонки называется *арза*. Лексема *хорз* обозначает «хорз, молочная водка тройной перегонки; *арз хорз* крепкая водка» [9, с. 970]. В хакасском языке лексема **хорачон** / **хорачын**, так же, как и **арачон** / **арачын**, не используется как самостоятельная лексема, что подтверждается словарной статьей: **хорачын:** **арачын-хорачын**; см. *арачын-хорачын*; ср. *арачын*; *арачын-хорачын тимнирге* готовить (гнать) вино, водку [8, с. 849]; **арачын-хорачын** фолькл. собир. крепкое вино; водка (из молока); *арачын-хорачын тургыс турлар* ставят [богатыри] крепкие вина на стол [8, с. 72]. Тем самым, оба компонента данного сложного слова относятся к лексике монгольского языка. Некоторые исследователи связывают происхождение *арачон* с *аршан* «целебная, минеральная вода». Мы же считаем семантически более логичной связь лексем *арачон-хорачон* с монгольскими *арз* и *хорз*.

В текстах богатырских сказаний приведенные лексемы со значением «вино, водка» используются в описании ситуаций встречи богатырей, при обсуждении ими важных вопросов. Соответственно, помимо указанных лексем, действующих, как правило, только в языке героических сказаний, как синоним, используется также широко распространенная в разноструктурных языках лексема *арага*: – *Хыстарым, арачон теен ниме / Сыгарыңар пеер, аалчы килгенде! / Пір сүмекчін тур чөрінін, / Ала торсых арага сыгар килген* [26, с. 32]

– [Мои] дочери, / Коль гости приехали, вытаскивайте / Так называемую арачон! / Одна служанка, выйдя, / Принесла сосуд с вином. *Изеннезип, миндїлезип прайзынаң, / Арага урар ниме кілеен. / Абахайлар ала сара тургызыбысханнар, / Арачын азын Ай Мирген / Күўіледе-саалада урыбысхан* [6, с. 123] – Поздоровавшись со всеми, / Попросил чашку для вина. / Красавицы поставили пёстрые чаши, / Ай Мирген [свое] вино / Разлил в них с бульканием.

В семантике хакасского *арага* и монгольского *архи* имеются гипонимические (родо-видовые) связи: хакас.: 1) водка, вино, алкогольный напиток; {...} [8, с. 69-70]; монг.: 1) архи, водка (преимущественно приготовленная из кислого молока); {...}[9, с. 280-282]. «Столь широкое распространение слова *арак(ы)* на громадной территории Евразии связано, естественно, с распространением обозначаемого им предмета» [12, с. 166]. Однако, арабское происхождение данного слова до сих пор вызывают споры. Отметим также, что в тюркских и монгольских традиционных обществах существуют определенные, ритуализированные правила приема алкогольных напитков (*арага / архи*), которые касаются особого уважительного отношения к ним. О лингвокультурологических особенностях концепта «водка» в монгольском и калмыцком языках более подробно в статье: [27].

Глагольные хакасско-монгольские дублетные пары в хакасских фольклорных текстах встречаются реже. Они, как правило, используются как незаменимые компоненты нескольких клишированных синтаксических конструкций:

чурта-мөте- «жить, припеваючи»

Данное глагольное выражение представляет собой один из вариантов финальных формул текстов не только героических сказаний, но и других волшебных сказок, что указывает на то, что герои, пережив различные трагические события и сражения, победив противника, начинают новую мирную, счастливую жизнь. *Ханчых атыгчының чоны анаң мында чуртап-мөтеп халган* [26, с. 33] – Тогда народ стрелка Ханчых там стал жить-поживать. *Анда, иб ээзі полып, ічезінең хада чуртап-мөтеп халганнар* [28, с. 41] – Там, становясь хозяином юрты, со своей матерью стали жить-поживать.

Также встречаются синтаксические конструкции, в которых участвует синонимичный глагол *чырга-* «жить в достатке, припеваючи»: *Аннаң андар Сагыстыг Чохырах, / Анда чырган, анда мөтеп халган* [29, с. 35] – С тех пор Умный Чохырах, / Там стал жить-поживать. *Ирнің күлүгі Хан Мирген / {...} / Кин чырган, кин мөтеп парир* [6, с. 191] – Лучший из мужчин Хан Мирген / {...} / Живет-поживает в достатке. Отметим, что в таких типовых клишированных конструкциях глагол *мөте-* может использоваться как самостоятельная единица, но в современном хакасском языке он не обладает таким потенциалом. В последнем предложении глаголы *чырга-* и *мөте-* сочетаются с наречием *кин* «благополучно, спокойно, хорошо», которое несет дополнительную семантическую перегрузку в модификацию данных глаголов и которое также встречается лишь в фольклорных текстах.

Таблица 8

Хакасский язык	Монгольский язык	Заемствование из монг. яз. в хакас. яз.
<i>чуртирга</i> 1) жить, проживать, обитать; <i>чуртап парарга</i> жизнь прожить; {...}; 2) жить, сожительствовать; <i>чуртап саларга</i> пожениться {...}; [8, с. 1005-1006]. <i>чуртирга-мөтирге</i> фолькл. жить-поживать; <i>алып-күлүктөр анда чуртап-мөтеп халганнар</i> богатыри там стали жить-поживать [8, 2006, с. 1006].	<i>бүтэлдэх</i> исполняться, сбываться; заживать (о ране); <i>эрмэлзэл бүтэлдэж</i> надежды сбылись [9, с. 452].	<i>мөте-</i> фолькл. жить в достатке; <i>мөтеп чуртирга</i> жить припеваючи; ср. <i>чырга-</i> [8, с. 256].

Глагол *чурта-* образован от общетюркской основы *чурт / йурт*, выражающей «1) место пастбы скота; {...}; 2) родина; {...}; 3) селение; {...}; 4) земля с населением; {...}; 4) юрта; {...};» [30, с. 255]. Генетические связи данной лексемы не ясны. Имеются предположения в отношении данного глагола к глаголу *чөр- / йор-* «ходить» [30, с. 255].

Соответствие начального звука *б* в монгольском языке хакасскому начальному *м* является одним из критериев определения монголизмов в хакасском языке, например, *баатыр* → *матыр* «герой; храбрый», *бээлэй* → *мелей* «рукавицы» и др. В данном случае монг.: *бүтэлдэх* и хак.: *мөте-* имеют общий признак «исполнять мечты; достигать целей», который наиболее отчетливо демонстрируется в семантике монгольских однокоренных лексем: *бүтэл* «1) удача, успех {...};» [9, с. 452]; *бүтэмж* «достижение, исполнение, осуществление, удача, успех, эффект; {...};» [9, с. 452].

Глагол *bütü-* распространен и в других монгольских языках: «халх., калм. *бүт-*, бур., даг. *бүтэ-* осуществляться, исполняться; сбываться; получить, выходить (что-либо создаваемое); см. *bütü-*; ◇ др.тюрк. *büt-* кончатся; исполняться; созреть» [19, с. 126]. По мнению авторов Этимологического словаря монгольских языков, в генетическую парадигму данного глагола входит также «*bütü-* халх., калм., бур. *бүт-* закрываться, закупориваться; задышаться, который, видимо, представляет собой лексико-фонологический вариант *bütü-*: примечательна различная огласовка первого слога этой глагольной основы и производных от нее слов в халх., бур. и калм. языках; см. *bütü-*, *bütü*, *bütigüi*. Ср. кирг. *бүт-* кончать(ся), зарождаться; *бүтө* сделать цельным, заделать отверстие; *бүтөө* закрытый со всех сторон; *бүтүн* целый, цельный; др. уйг. *büt-* завершить, удаваться, быть полным; як. *бүтүн* весь, целый» [19, с. 92].

Отдельно можно выделить антропонимы. Различного рода контакты саяно-алтайских тюркских и монгольских народов отразились и на системе именных формул персонажей героических сказаний. Антропонимическая система текстов героических сказаний представляют собой разноструктурные модели, включающие не только компоненты имен, но и мотивы имянаречения, характера, происхождения (статуса) богатыря.

***Көкчин* иней «старуха Кокчин»**

Данный антропоним встречается только в языке героических сказаний. Существительное ***Көкчин*** в хакасском языке не используется самостоятельно. Данную закономерность иноязычных вариантов парных слов А. Т. Кайдаров интерпретирует таким образом: «Займствованные слова, когда имеют другие лексические дублиеты в языке, зачастую переходят в пассивный запас словаря, а те, которые ограничивают свое употребление кругом определенных парных сочетаний, получают иногда этимологическое затемнение. Этому способствует и то, займствованные слова на почве заимствующего языка часто подвергаются фонетическому изменению и получают семантическое отклонение» [2, с. 108].

Монгольское происхождение слова ***Көкчин*** объясняется его широкими словообразовательными возможностями, например, *хөгширсөн* состарившийся, постаревший; *хөгшлөг* старообразный вид молодого человека, староватый на вид, *хөгшрөх* стареть, стариться; *ургамал хөгшрөх тутам* по мере того, как растение стареет, *хөгшрөл* старость; переход к старости и др. [9, с. 988-989]. Кроме того, в монгольском языке показатели *-чин / -шин* выражают имя, род занятий лица. При этом вполне допустимо случайное совпадение (?) наличия гидронима *Кокчин*, названия реки, которая течет в Ламынхинском наслеге Кобяйского улуса (района) Республики Саха (Якутия).

Однако др. тюрк. *kökčün* «дымчатый, седой» [16, с. 313]. С аналогичным значением слово действует и в других тюркских языках. Б. И. Татаринцев считает, что структура слова *көшкүн* «1) достигший старости, старый; 2) старая женщина, старуха (обращение мужа к старой жене); {...};», исходя из тюркских языков, как форма неполноты признака от общетюркского *көк* «синий, голубой; седой» образована при помощи форманта *-чин(-шин)* [28, с. 254]. Однако вместе с тем Б. И. Татаринцев, как и В. И. Рассадин [17, с. 22], это слово считает возвратным монголизмом в тюркских языках Сибири [31, с. 254].

Таблица 9

Хакасский язык	Монгольский язык	Заемствование из монг. яз. в хак. яз.
<i>иней</i> «1. 1) старуха; <i>иней пол парарга</i> состариться; 2) супруга, жена; ср. ипчі; <i>иней</i> чит [у него] жена молодая; 2. пожилой; <i>иней кızı</i> пожилая женщина; ♦ <i>кіндік иней</i> повивальная бабка» [8, с. 127].	<i>хөгшин (хөгшид)</i> «1. старый, престарелый; <i>хэтэрхий хөгшин</i> а) очень старый; б) долгожитель; {...}; 2. старушка; <i>хөгшин эх</i> престарелая мать, бабушка» [9, с. 988-989].	<i>Кёкчін: иней Кёкчін фолькл.</i> старуха [8, с. 197].

Заключение

Мы рассмотрели наиболее частотные хакасско-монгольские дублетные пары на материале хакасских героических сказаний, которые являются одним из видов эпических форм параллелизма. От традиционных клишированных, синонимических и вариационных параллелей дублетные пары отличаются содержательными, структурно-синтаксическими параметрами. Дублетные пары, состоящие из разноязычных компонентов – исконного и заимствованного – представляют собой отдельный своеобразный пласт языка героических сказаний, требующий более тщательного и глубинного анализа. Заимствованные компоненты дублетных пар, как правило, в хакасском языке самостоятельно не используются.

Исходя из имеющегося у нас материала, мы выделяем две структурно-семантические категории дублетных пар: равноправные (симметричные) и подчинительные. *Равноправные дублетные пары* состоят из двух или более компонентов: тюркского и монгольского происхождения. Как правило, монгольские варианты данных дублетных пар в хакасском языке и в языке героических сказаний не используются как самостоятельные лексические единицы. *Подчинительные же дублетные пары* могут состоять из двух-трех компонентов, где монголизм выполняет определяющую (изъяснительную) функцию. Некоторые монгольские варианты, например, *пайзаң* «прекрасный, сказочно-красивый», *örge* «дворец, замок», с некоторыми отклонениями в семантике прочно закрепились в хакасском языке. Предполагаем, что такая функция иноязычных компонентов характерна и для других межъязыковых дублетных пар в эпических текстах других народов. Как правило, заимствованные компоненты – монголизмы в хакасском языке самостоятельно не используются.

Все рассмотренные нами дублетные пары воспринимаются как самостоятельные, семантически цельные лексические единицы. Они не допускают перестановки слов и внедрения других слов, за исключением некоторых вариантов традиционных клишированных конструкций, которые выполняют определенную синтаксическую функцию. Такие слова являются компонентами нескольких вариантов клишированных предложений.

Литература

1. Убрятова Е.И. Парные слова в якутском языке. В кн.: Мещанинов И.И. (ред.) *Язык и мышление*. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948; Вып. 11:297–328.

2. Кайдаров А.Т. *Парные слова в современном уйгурском языке*. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1958:168.

3. Санжеев Г.Д. Грамматические приемы в монгольских языках. В кн.: *Труды Института востоковедения*. Москва: Изд-во Академии наук СССР; 1940;(2):198-221.

4. Панькин В.М., Филиппов А.В. *Языковые контакты. Краткий словарь*. 4-е издание, стереотип. Москва: Изд-во «Флинта»; 2023:159.

5. Трофимова С.М. Парные слова в составе тюркско-монгольской языковой общности. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014;10(3):45-49.

6. Албынчы. Алыптыг ныхмах. Абакан: Хакаское книжное издательство; 2018:126.
7. Татаринцев Б.И. *Этимологический словарь тувинского языка*. Том IV: М, Н, О, Ө, П. Новосибирск: Наука; 2008:442.
8. Субракова О.В. (ред.) *Хакасско-русский словарь*: около 22 тыс. слов. Хакас. НИИ языка, лит. и истории; [О.П. Анжиганова и др.]. Новосибирск: Наука; 2006:1114.
9. Лувсандэндэва А., Цедендамба Ц. *Большой академический монгольско-русский словарь в четырёх томах*. Ок. 70000 слов. Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Ё. Баярсайхан и др.]. Москва: ACADEMIA; 2001:2007.
10. Чертыкова М.Д. Лексическое обозначение процесса приветствия в тексте героического сказания «Албынчы». *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2024;43(3):49-55.
11. Кадышев С.П. *Алтын Арыг*. Сборник героических сказаний. Абакан: Хакаское книжное издательство; 1958:440 (на хакасском языке).
12. Севортян Э.В. *Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные)*. Москва: Издательство «Наука»; 1974:767.
13. *Алыптыг ныхмахтар = Хакаские героические сказания*. Том I. Абакан: Хакаское книжное издательство им. В. М. Торосова; 2022:656. (Фольклорное наследие хакасского народа. Том I) (на хакасском языке).
14. Щербак А.М. *Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков*. Санкт-Петербург: Наука; 2005:195.
15. *Алтын Арыг*. Хакасский героический эпос. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1988:592 (Эпос народов СССР).
16. Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. (ред.) *Древнетюркский словарь*. Ленинград: Наука; 1969:676.
17. Рассадин В.И. *Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2019:608.
18. Чертыкова М.Д., Каксин Ч.А. Ханская юрта как центр эпического пространства в текстах хакасских героических сказаний: *өрге*. *Эпосоведение*. 2023;29(1):48-60.
19. Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. *Этимологический словарь монгольских языков*. Том I: А-Е. Москва: ИВ РАН; 2015:224.
20. *Тувинско-русский словарь*. Издательство: Самиздат; 2008:338.
21. Чумакаева А.Э. (отв. ред.) *Алтайско-русский словарь*. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова; 2018:936.
22. Чистобаева Н.С. Восстановление и обретение богатырской силы в эпических повествованиях хакасов. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2024; 44(4):80-95.
23. Рассадин В.И. *Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках*. Москва: Наука; 1980:117.
24. Юдахин К.К. (ред.) *Киргизско-русский словарь*. В двух книгах. Около 40 000 слов. 2 книга: Л-Я. Фрунзе: Главная редакция киргизской советской энциклопедии; 1985:475.
25. Слепцов П.А. (ред.) *Якутско-русский словарь*. 25 000 слов. Москва: Издательство «Советская энциклопедия»; 1972:568.
26. Курбижеков П.В. *Айдолай*. Героическое сказание. Абакан: Хакаское книжное издательство; 1963:191.
27. Есенова Т.С., Цендээ Ю. Архи в языковом сознании монголов и калмыков. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012;72(8):67-71.
28. Трояков П.А. (ред) *Хакаские мифы и легенды*. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства; 1990:199.
29. Хан Мирген. Богатырские сказания. Агбан: Хызылчардагы книга издательствоызын Хакасиядагы полігі; 1969:207 (на хакасском языке).
30. Левитская Л.С. (ред.) *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*. Т. 4. Москва: Наука; 1989:291.
31. Татаринцев Б.И. *Этимологический словарь тувинского языка*. Том III. К, Л. Новосибирск: Наука; 2004:438.

References

1. Ubryatova EI. Paired words in the Yakut language. In: Meschaninov II. (ed.) *Language and thinking*. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1948; Issue. 11: 297-328 (in Russian).
2. Kaidarov AT. *Paired words in modern Uyghur language*. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR; 1958:168 (in Russian).
3. Sanzheev GD. Grammatical devices in Mongolian languages. In: *Proceedings of the Institute of Oriental Studies*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1940;(2):198-221 (in Russian).
4. Pankin VM., Filippov AV. *Language contacts. Brief dictionary*. 4th edition, stereotype. Moscow: Flinta Publishing House; 2023:159 (in Russian).
5. Trofimova SM. Paired words in the Turkic-Mongolian language community. *Bulletin of the Buryat State University*. 2014;10(3):45-49 (in Russian).
6. Albynчу. *Alyptyg nymakh*. Abakan: Khakass Book Publishing House; 2018:126 (in Russian).
7. Tatarintsev BI. *Etymological dictionary of the Tuvan language*. Volume IV: M, N, O, Ө, P. Novosibirsk: Nauka; 2008:442 (in Russian).
8. Subrakova OV. (ed.) *Khakass-Russian dictionary: about 22 thousand words*. Novosibirsk: Nauka; 2006:1114 (in Russian).
9. Luvsanderev A, Tsedendamba Ts. (ed.) *The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary in Four Volumes*. 70,000 words. Moscow: ACADEMIA; 2001:2007 (in Russian).
10. Chertykova MD. Lexical designation of the greeting process in the text of the heroic tale “Albynчу”. *Scientific review of Sayano-Altai*. 2024;43(3):49-55 (in Russian).
11. Kadyshev SP. *Altyn Aryg*. Collection of heroic tales. In the Khakass language. Abakan: Khakass book publishing house; 1958:440 (in Russian).
12. Sevortyan E.V. *Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic bases for vowels)*. Moscow: Publishing house “Science”; 1974:767 (in Russian).
13. *Alyptyg nymakhtar* = Khakass heroic tales. Volume I. Abakan: Khakass book publishing house named after. V. M. Torosova; 2022:656 (Folklore heritage of the Khakass people. Volume I) (in Khakass).
14. Shcherbak AM. *Turkic-Mongolian language contacts in the history of Mongolian languages*. Saint-Petersburg: Science; 2005:195 (in Russian).
15. *Altyn Aryg*. Khakass heroic epic. Moscow: Science. Main editorial office of oriental literature; 1988:592 (Epic of the Peoples of the USSR) (in Russian).
16. Nadelyaev VM., Nasilov DM., Tenishev ER., Shcherbak AM. (ed.) *Old Turkic Dictionary*. Leningrad: Nauka; 1969:676 (in Russian).
17. Rassadin VI. *Essays on the History of the Formation of the Turkic-Mongolian Language Community*. St. Petersburg: Nestor-History; 2019:608 (in Russian).
18. Chertykova MD., Kaksin ChA. Khan’s Yurt as the Center of Epic Space in the Texts of Khakass Heroic Tales: öрге. *Epic Studies*. 2023;29(1):48-60 (in Russian).
19. Sanjeev GD., Orlovskaya MN., Shevernina ZV. *Etymological Dictionary of Mongolian Languages*. Volume I: A-E. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2015:224 (in Russian).
20. *Tuvan-Russian Dictionary*. Publisher: Samizdat; 2008:338 (in Russian).
21. Chumakaev AE. (ed.) *Altai-Russian Dictionary*. BNU RA “S. S. Surazakov Research Institute of Altaic Studies”. Gorno-Altaysk; S.S. Surazakov Altaistics Institute Publ. House; 2018:936.
22. Chistobaeva NS. Restoration and acquisition of heroic strength in the epic narratives of the Khakass people. *Scientific review of Sayano-Altai*. 2024;44(4):80-95 (in Russian).
23. Rassadin VI. *Mongol-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages*. Moscow: Nauka Publishing House; 1980:117 (in Russian).
24. Yudakhin KK. *Kyrgyz-Russian dictionary*. In two books. About 40,000 words. Book 2: L–Ya. Frunze: Main editorial board of the Kyrgyz Soviet Encyclopedia; 1985:475.
25. Sleptsov PA. (ed.) *Yakut-Russian dictionary*. 25,000 words. Moscow: Soviet Encyclopedia Publishing House; 1972:568.
26. Kurbizhekov PV. *Aidolai*. Heroic tale. Abakan: Khakass book publishing house; 1963:191 (in Russian).
27. Yesenova TS., Tsendee Yu. Archives in the linguistic consciousness of the Mongols and Kalmyks. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2012;72(8):67-71 (in Russian).

28. Troyakov PA. (ed.) *Khakass myths and legends*. Abakan: Khakass branch of Krasnoyarsk book publishing house; 1990:199 (in Russian).
29. Khan Mirgen. Heroic tales. Agban: The book of the Khakassian language publishing house; 1969:207 (in Russian).
30. Levitskaya LS. (ed.) *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic stems with the letters “Ж”, “Ж”, “Й”*. Vol. 4. Moscow: Nauka; 1989:291 (in Russian).
31. Tatarintsev BI. *Etymological dictionary of the Tuvan language*. Volume III. K, L. Novosibirsk: Nauka; 2004:438 (in Russian).

Об авторах

Чертыкова Мария Дмитриевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», ORCID: 0000-0002-7467-4388, e-mail: chertikova@yandex.ru.

Ахматова Мариям Ахматовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кара-чаево-балкарской филологии, ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова», ORCID: 0000-0002-0507-395X, e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru.

Цыренов Бабасан Доржиевич, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН», ORCID: 0000-0002-8928-3232, e-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

About the authors

Maria D. Chertykova, Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher of Institute of Humanitarian Researches and the Sayan-Altai Tyurkologiya of the Khakass State University of Katanov, ORCID: 0000-0002-7467-4388, e-mail: chertikova@yandex.ru.

Mariam A. Akhmatova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Karachay-Balkarian Philology, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, ORCID: 0000-0002-0507-395X, e-mail: mari.ahmatova@yandex.ru.

Babasan D. Tsyrenov, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology of the SB RAS, ORCID: 0000-0002-8928-3232, e-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

Вклад авторов/Authors' contribution

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов / Conflict of interests

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию 25.05.2025 / Submitted 25.05.2025

Accepted 16.06.2025 / Принята к публикации 16.06.2025